

Н. В. Шлыгина

**СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ НАРОДОВ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(стадиальная и этническая специфика)**

Свадебные обряды народов прибалтийско-финской языковой группы представляют в сравнительно-историческом плане особый интерес. Эти народы не только связаны общностью происхождения, уходящей в далекое прошлое, но многие из них веками сохраняли достаточно тесные этнокультурные контакты. Это относится, в частности, к некоторым группам эстонцев и финнов, финнов и карел, карел и вепсов, води и ижоры. В известной мере особняком стоят саамы, у которых вследствие исторических судеб, особенностей хозяйственного и бытового уклада, этнической культуры в целом свадебная обрядность имеет иной характер. Поэтому в дальнейшем изложении саамы вообще не затронуты.

В настоящее время сопоставление свадебной обрядности прибалтийских финнов возможно провести достаточно глубоко благодаря тому, что за последние десятилетия в Советском Союзе и за рубежом, прежде всего в Финляндии, по этой тематике вышло немало серьезных работ, вводящих к тому же в научный оборот большое количество новых материалов. Из числа финских этнографов следует прежде всего назвать М.-Л. Хейкинмяки и М. Сармела, опубликовавших ряд монографий и статей, в которых рассматриваются свадебная обрядность и многие проблемы, связанные со вступлением в брак. Работы основаны преимущественно на финском и отчасти на карельском материалах¹. Эти труды в известной мере уже освещались в нашей печати², и здесь достаточно отметить, что в них содержится, в частности, анализ локальных особенностей финской свадьбы, выделены ареалы ее вариантов, а также рассматриваются изменения социального характера в этом ритуале у разных этнографических групп финнов. В 1981 г. под редакцией М. Сармела вышел также коллективный сборник «Северная свадьба», который имел целью сопоставить свадебный обряд у народов северных стран. Весьма существенно, что в эту региональную характера работу вошел раздел о северно-великорусском обряде, написанный К. В. Чистовым, но, к сожалению, в ней отсутствует раздел о карелах³. В 1987 г. вышло исследование И. Талвэ «От невесты до молодки: структура свадьбы у прибалтийских финнов», дающее глубокий и детальный анализ развития свадебной обрядности и ее элементов у этих народов⁴.

Из современных работ в Эстонии должны быть названы «Эстонская свадьба» Ю. Тедре и «Эстонская свадьба. Традиция и современность» В. Калитс⁵. К лучшим исследованиям свадебной обрядности за последние десятилетия принадлежит, несомненно, монография Ю. Сурхаско (Петрозаводск) о карельской свадьбе. В изучение карельской свадьбы немало внесли и фольклористы, в первую очередь У. Конкка и А. С. Степанова, специально изучавшие свадебные причитания⁶. Свадебный ритуал, сопровождавшийся причитаниями, песнями и танцами, предоставляет широкие возможности для фольклористических исследований, результаты которых существенны и для этнографов. Необходимо упомянуть также работы финских фольклористов: А. Ненола-Каллио, основанные на ижорском материале, статьи Л. Хонко о причитаниях у прибалтийско-финских народов, монографию И. Вахроса о бане, содержащую, в частности, анализ традиций предсвадебной и свадебной бани как у великоруссов, так и у финноязычных народов⁷. С точки зрения истории формирования этнической специфики свадебного фольклора у прибалтийских финнов важны посвященные этим вопросам статьи К. В. Чистова и, разумеется, его разработки

типологической классификации свадебного обряда, основанной на широком материале⁸. В свое время нам пришлось заниматься изучением свадьбы у води и ингерманландских финнов⁹. Сравнение их с традициями соседних прибалтийско-финских народов привело нас к более широкому сопоставлению. Некоторые результаты этого нами уже излагались¹⁰. В настоящей статье мы хотели бы их подытожить, ограничиваясь характеристикой лишь самого свадебного обряда и не касаясь предсвадебного и послесвадебного циклов. При этом целесообразно остановиться как на уровне стадийного развития обряда у прибалтийско-финских народов, отметив также степень воздействия на народную обычай церкви, так и на тех особенностях обряда, которые могут рассматриваться как этноспецифические.

Наиболее богатыми материалами по свадьбе прибалтийско-финских народов этнография располагает для конца XIX — начала XX в. Для крестьян Прибалтийского региона Российской империи это был период быстрого развития товарно-денежных отношений, хотя степень интенсивности этого процесса у разных прибалтийско-финских народов не была одинаковой. Это зависело от многих обстоятельств, связанных с историческими судьбами этих народов, и в частности с разнотипными аграрными отношениями. Стоит также напомнить, что Финляндия вообще не знала крепостного права, а в Карелии помещичьего землевладения почти не было. В Остзейских провинциях крепостное право, связанное здесь с весьма тяжелыми формами барщины, было отменено в начале XIX в., поначалу без права на землю. Однако со второй половины прошлого века крестьяне получили возможность приобретать ее в собственность. На территории Ингрии, входившей в Петербургскую губернию, крепостные были освобождены по реформе 1861 г. Это, как и многие другие обстоятельства, сказывалось на темпах развития товарного сельского хозяйства, нередко различных даже на этнической территории одного народа. При переходе к новым формам хозяйствования происходила трансформация всего жизненного уклада сельского населения, исчезали его многие традиционные черты, в том числе и в семейной обрядности.

В доиндустриальном обществе свадебная обрядность имеет обычно выраженный этнический характер и, как правило, отличается наличием локальных вариантов даже у небольших народов. Наряду с этим свадебный ритуал обнаруживает принципиальную однотипность в пределах обширных регионов и у разных народов уже в силу того, что стадийная символика этой обрядности часто бывает аналогична.

Свадебный обряд у всех прибалтийско-финских народов в рассматриваемый период относился к так называемому вирилокальному типу, т. е. многие обряды, включая так называемый «постельный обряд», проводятся в доме жениха; характерно также, что жених и невеста участвуют во всем свадебном церемониале, включая свадебный пир. Исследователи полагают, что этот тип обряда более поздний, чем уксорилокальный (т. е. с проведением основных моментов церемонии в доме невесты), и что он, судя по всему, сложился на базе земледельческого хозяйственно-культурного типа¹¹. В доиндустриальный период свадебный обряд у прибалтийско-финских народов был, насколько позволяють судить материалы, однороден как по форме, так и по социальной символике. Эту форму обрядности А. ван Геннеп определил в свое время как «ритуалы перехода» (*rites des passage*), состоящие из трех частей: выхода невесты из рода отца («обряды сепарации»), ее приобщения к роду мужа («обряды агрегации») и связывающей их церемонии переезда невесты в дом мужа («обряды лиминации», *mage*). Переезд проводился с соблюдением большого числа магических действий оберегового характера, так как в это время невесту уже не защищали духи отчего дома и она еще не вступила под покровительство духов рода ее мужа и потому оказывалась особенно уязвимой для злых сил.

В крестьянском обиходе такую свадьбу называли нередко «свадьбой с двумя концами», «двухчастной» (эст. *kahe otsaga pulmad*, фин. *kahepuoletset haat*)

(такой же термин встречаем и в соответствующей литературе), поскольку она проводилась частью в доме невесты, частью в доме жениха.

Финский этнограф М. Сармела предложил архаическую двухчастную свадьбу называть «родовой» (*sukuhaat*), а более развитой тип обрядности, характерный для Западной Финляндии, — «деревенской» (*kylähaat*)¹². Терминология М. Сармела не представляется в целом удачной, что уже отмечено в финляндской литературе¹³. Правда, можно понять, что говоря о «родовой свадьбе», он основывался на бытовом значении слова *suku* — «род», ведь и в русском языке одно из его значений — «родня», «родственники»¹⁴. В выборе этого термина Сармела исходил, очевидно, из того, что в старинной свадьбе к заключению брака имели отношение не только семьи жениха и невесты, но и широкий круг родственников и свойственников с обеих сторон. Они в качестве свидетелей, а иногда и других более значимых участников свадьбы принимали участие в решении о заключении брака. В старинной свадьбе большую роль играли также чины, выбиравшиеся из числа старших родственников с обеих сторон. Значительная часть обрядности «двухконечной» свадьбы символизировала заключение союза двух «родов» и включение молодой в родственный коллектив ее мужа.

Характерно, что на свадьбу приглашались два различных коллектива гостей — один к невесте, другой к жениху, и только какая-то часть их в ходе свадьбы посещала другой дом. При подготовке и проведении свадьбы действовали традиционные формы коллективной взаимопомощи односельчан. Степень сохранности такого типа свадьбы в конце XIX — начале XX в. была различной у разных народов прибалтийско-финской языковой группы, а также нередко и у отдельных субэтнических групп этих народов.

Сопоставление архивных¹⁵ и литературных данных дает возможность сделать вывод, что в конце прошлого века ритуал классической двухчастной свадьбы лучше всего сохранился у ингерманландских финнов (савакот и эврмейсет). Финляндские этнографы свадебную обрядность савакот и эврмейсет рассматривают, как правило, совместно со свадебными обрядами населения Восточной Финляндии или используют лишь в качестве сравнительного материала, и поэтому его архаичность в известной мере затушевывается. Рассмотрение свадебной обрядности ингерманландских финнов особо, хотя бы даже суммарно, для обеих этнографических групп показывает, что и в начале XX в. свадьба проводилась здесь с последовательным соблюдением ритуалов старинного типа.

В первый день свадьбы гости собирались раздельно в доме жениха и в доме невесты. Основные обряды первого дня проводились в доме невесты. Они были связаны с предстоящим ее уходом из отчего дома. Эта часть свадьбы так и называлась — «уходами» (*läksiäiset*). Гости, собравшиеся в это время в доме жениха, получали угощение, и часть их — дружина готовилась ехать за невестой. Кроме ряда обереговых действий, которые должны были содействовать удачной поездке и охранять жениха, особых обрядов здесь не предусматривалось. В дружину жениха (*johtoväki*) кроме молодых парней входил старший сват (*puhemies*), руководивший всем ходом событий. Невесту в дом жениха сопровождали как подружки, так и некоторое количество ее почетных гостей (*poudeväki*). Кроме того, невесту оберегала и руководила ее действиями специальная женщина — каасо (*kaaso*), имевшая не меньшие полномочия, чем сват. Но родители невесты всегда оставались у себя дома, как и значительная часть приглашенных с ее стороны гостей. При отъезде молодую пару для обеспечения ее благополучия осыпали зерном и хмелем, невеста ехала нередко с закрытым лицом для защиты от злых сил. На пути поезда устраивали преграды, раскладывая по сторонам дороги костры, встречавшие его люди стреляли в воздух из ружей.

Вторая часть ритуала, проводившаяся в доме жениха, называлась хяат (*haat*) — «свадьба». Молодых встречали с соблюдением различных магических обрядов, направленных на благополучие новой семьи, благоприятствующих рождению детей, а также символизирующих приобщение молодой к новому

дому и очагу. После свадебного стола наступала первая брачная ночь, укладывание молодых сопровождалось множеством обрядов и обереговых действий. На следующий день, после бужения молодых, молодой надевали головной убор замужней женщины. Это делали старшие женщины где-нибудь в задней комнате и приглашали молодого взглянуть на жену: «Ладно ли, годится ли?» После этого молодая выходила к гостям. Затем следовал ритуал одаривания ею родни мужа. В прошлом это было частью тех ритуалов, которые обеспечивали ее прием в род мужа.

Для свадьбы ингерманландских финнов характерно было сохранение свадебного песенного репертуара, в том числе песенное состязание сторон жениха и невесты, в которых каждая сторона восхваляла своего вступающего в брак, а также весь его род, дом, деревню и т. д.¹⁶

В проведении свадебного ритуала в конце XIX — начале XX в. можно, разумеется, встретить и определенные отклонения от старых норм. Так, в рассматриваемый период «постельный» обряд в отличие от описанного иногда был лишь символическим актом: молодые просто уходили в другое помещение на несколько часов, а затем проводились те обряды, которые в прошлом исполнялись на второй день в доме жениха. Постепенно был забыт символический смысл раздачи молодой подарков родне мужа, и этот обряд слился с другим моментом — одариванием молодой пары гостями. Но в целом характер двухчастной свадьбы-союза двух родов здесь еще сохранялся, и она была однотипной у всех слоев крестьянского населения. Достаток крестьян сказывался в основном на продолжительности свадьбы, числе гостей, размерах приданого, обилии угощения и т. п.

Сохранность традиционного двухчастного свадебного обряда была довольно высокой также в Восточной Финляндии (в провинциях Карьяла, Саво, Кайнуу). Здесь ритуал тоже сохранял деление на две части — «уходы» и «свадьбу-хяят», гости составляли два разных коллектива, основные обряды (постельный обряд, надевание молодой головной убора замужней женщины, раздача ею подарков родне мужа) проводились в доме жениха. Однако в Восточной Финляндии в этот период было уже заметно и отклонение от старых форм, происходившее в известной мере под влиянием обрядности западных частей страны. Наиболее существенным новшеством было так называемое «поднимание молодых»¹⁷: в конце свадьбы новобрачные усаживались на возвышении или их поднимали на скамье, провозглашая «молодыми хозяином и хозяйкой». Этот обряд выходил из круга символики брака-союза двух родов. «Поднимание молодых» символизировало образование новой, самостоятельной семьи и было обосновано в тех случаях, когда новобрачные начинали жить самостоятельно. Это не соответствовало старому семейному укладу в Восточной Финляндии, где молодая пара обычно оставалась в отцовском доме. Выделение молодых требовало также экономической самостоятельности и потому было практически невозможным для основной массы крестьян этой части страны. Иным было положение в Западной Финляндии, где свадебная обрядность в целом имела другой характер и по форме, и по символике.

В значительной части западных районов, а именно на юго-западе (провинции Варсинайс-Суоми, Сатакунта, Хямэ) и на северо-западе, в Северной Похьянмаа, свадьба также проводилась в двух домах. Но весь характер свадьбы, порядок ее проведения был иным, чем на востоке. Вся свадьба-хяят проводилась в доме невесты, начиная с церковного обряда, свадебного пира, включая брачную ночь, надевание молодой головной убора замужней женщины, обряд одаривания и «поднимание молодых». В доме жениха по приезде молодой пары устраивался лишь скромный «праздник прибытия» — тулияйсет (tuliaiset). В провинциях Южная и Центральная Похьянмаа праздник вообще проводился лишь в одном доме, причем для одних местностей было характерно проведение празднества в доме жениха, для других — в доме невесты¹⁸.

Свадебная обрядность в Западной Финляндии имела немало черт, свидетель-

ствующих о том, что символика и характерные черты старинной свадьбы-союза двух родов в основном исчезли. Приглашенные составляли здесь один коллектив, не разделяясь на гостей жениха и невесты; старые свадебные чины (сват, сопровождающая невесту женщина) утратили прежнюю значимость, возросла роль молодежи — дружек и подружек. Некоторые новые обряды символизировали переход молодых в другую возрастную группу и возникновение новой семьи. Особенно характерен в этом плане был уже упомянутый обряд «поднимания молодых». Не останавливаясь на истории возникновения западных форм свадебной обрядности, детально изученной финскими этнографами, напомним только, что значительную роль в ее формировании сыграли этнокультурные контакты западных районов Финляндии со Швецией. Отчасти этому способствовали географическая близость и развитое крестьянское мореходство. Кроме того, на западном и юго-западном побережье Финляндии еще в средневековье сложились стабильные поселения крестьян-шведов. Существенно и то, что после подчинения Швецией Финляндии воздействие шведской культуры сказывалось прежде всего на ее западных районах, где находилась первая столица Финляндии — Турку (Або), концентрировались города, поместные владения и пастораты с их шведской по форме культурой. Запад страны опережал в своем социально-экономическом развитии восточные районы. Здесь быстрее шло расслоение крестьянства, раньше, чем в саво-карельских частях, выделился слой зажиточных крестьян, и вырос слой безземельных батраков.

М. Сармела справедливо указывает, что восприятие новой обрядности, ее форм, заимствованных из шведской культуры, в западных частях страны шло успешно в немалой мере благодаря тому, что ее символика соответствовала потребностям местного крестьянского общества, в первую очередь, его зажиточной верхушки. Здесь нормы быта феодальной деревни уже отжили свой век. Зажиточные слои наследственных крестьян-дворохозяев психологически были готовы к восприятию таких форм обрядности, которые позволяли им подчеркнуть свой достаток, положение в обществе, заявить о высоком статусе новой семьи. Богатые крестьяне Юго-Запада иногда даже проводили свадьбу в обоих домах с полным повторением ритуала, так что невеста дважды надевала и снимала свадебный головной убор. Такие свадьбы были особенно длительными, требовали больших денежных затрат, соответствующих помещений, найма музыкантов и т. д.¹⁹ Хотя в этих случаях свадьба и праздновалась в двух домах, ее нельзя считать «двухчастной»: весь ритуал полностью проводился в каждом доме, к тому же его характер и символика носили совершенно иной характер, чем в старинной свадьбе.

Беднота в этих районах, различные группы бобылей, батраков и безземельных в конце XIX в. вообще начинают отказываться от свадебных торжеств, часто отмечали лишь помолвку или оглашение в церкви скромным праздником с танцами и угощением (кофе с булочками, спиртное)²⁰.

Таким образом, у финнов в разных частях их расселения свадебная обрядность была неоднородной. Особенно существенны были различия в западной и восточной частях страны, что объясняется сочетанием действия этнокультурных влияний и особенностей социально-экономического развития.

У других финноязычных народов рассматриваемого региона в конце XIX — начале XX в. черты двухчастной свадьбы сохранялись в целом довольно устойчиво. Это относится как в водско-ижорскому населению Ингрии, так и к карелам. Достаточно четко держались обряды выхода невесты из отчего рода и ее приема в семью мужа, ритуал переезда в его дом. По-прежнему была важна церемония надевания невесте женского головного убора, соблюдались различные магические обряды, направленные на благополучие брака, счастья в детях и т. д. В той или иной мере сохранялся свадебный фольклор: причитания, песни, связанные с различными обрядовыми моментами, песни-поучения невесте — как она должна жить по выходе замуж и т. д. Наряду с этим можно уловить, что шел и определенный отход от традиций. Так, например, традицион-

ная свадьба у води по взаимному соглашению сторон могла проводиться без одаривания невестой родни мужа. Это объясняется стремлением избежать лишних расходов, свидетельствует и о том, что прежняя значимость обряда, обеспечивающего принятие молодой в круг новой родни, была уже утрачена. На внешних формах свадьбы сказывается усиление городского влияния: появление покупных товаров — предметов одежды и украшений, продовольственных припасов, это отражается и на составе приданого и подарков, исчезновении ритуальных блюд со свадебного стола и т. п.²¹

Весьма неоднородна была степень сохранности традиционной свадьбы в Эстонии. В некоторых местностях «двухконечная» свадьба сохраняется устойчиво. Так, на о-ве Кихну, который благодаря его изолированности и специфике бытового уклада представлял собой вплоть до середины XX в. некий «этнографический заповедник», традиционный свадебный обряд бытовал еще в 1920—1940-е годы. Наряду с этим в тех местностях Эстонии, где в свое время распространилось гернгутерство с его аскетическими принципами, народная обрядность начала исчезать уже в ходе XVIII в.²² Стоит отметить, что в эстонских материалах можно найти сведения довольно раннего времени об «одноконечной» свадьбе, проводимой лишь в одном доме. Такая форма предпочиталась бедными людьми. Так, есть упоминания об «одноконечной» свадьбе при вступлении в брак дочери безземельного крестьянина или ремесленника, женившегося на крестьянской дочери, и т. п. Наряду с этим отмечается и тот факт, что свадьбы «с одним концом», проводимые в доме жениха, были более характерны для населения эстонских островов.²³

В конце XIX в. в тех частях Эстонии, где социально-экономическое развитие шло быстрее, старинная свадебная обрядность почти исчезла.²⁴ Но ее нельзя считать в это время уже забытой. Напротив, приходится сталкиваться с тем интересным фактом, что «двухконечная» свадьба сохраняла в это время у эстонцев престижное значение и именно богатые крестьяне с целью подчеркнуть свой достаток устраивали «двухконечную» свадьбу при вступлении в брак их детей. Но многие черты старинной свадьбы у эстонцев в это время отмирают: сокращается роль коллективной взаимопомощи, утрачивается значение подарков невесты, меняется их характер и сокращается число одариваемых.²⁵ Появляются новые элементы обрядности, по своему содержанию выходящие из круга символики старинного обряда, как, например, обычай разыгрывания венка невесты. Характерно, что увеличивается роль молодежи — дружек и подружек. Наиболее устойчивым из старых обрядов было надевание молодой женского головного убора в его традиционной форме: чепца, полотенчатого убора — линика и др., в то время как в повседневном быту их уже не носили. Сохранился обычай загораживания пути свадебного поезда, хотя смысл этого обычая был уже забыт.

Годы первой мировой войны содействовали отмиранию старинной обрядности. В период буржуазной республики (1920—1940) наиболее типичной для эстонского сельского населения была «двухдневная» свадьба. Она начиналась с венчания в церкви, затем первый день и брачная ночь проводились в доме невесты. Перед полуночью происходило «разыгрывание венка невесты» и новобрачные удалялись на покой. Обряд разыгрывания венка вытеснил ритуал надевания невесте женского головного убора, хотя их значение и место в ходе ритуала и не совпадали. На второй день, после «бужения молодых», происходил переезд в дом молодого и празднование продолжалось там.

* * *

Таким образом, мы можем констатировать, что свадебная обрядность прибалтийско-финских народов в конце XIX — начале XX в. с точки зрения стадияльного развития была неоднородна: в одних случаях еще устойчиво сохранялась архаичная форма свадьбы с ее символикой заключения союза двух родов и перехода невесты из дома отца в дом и род мужа. В большинстве случаев

этот ритуал в конце XIX — начале XX в. включал какие-нибудь новые обряды, не вписывающиеся в круг старинных норм; кроме того, утратилось представление о смысле многих церемоний. Особенно важно, что существовала уже и иная по типу и значимости форма свадьбы, в которой символика в основном подчеркивала образование новой семьи.

При рассмотрении свадебного обряда следует особо упомянуть о церковном венчании и его роли в заключении брака и о воздействии церкви на свадебный обряд в целом. Хотя у всех прибалтийско-финских народов церковное заключение брака в конце XIX в. было обязательным с юридической точки зрения, в народе значение этого акта оценивалось неодинаково, и венчание занимало разное место в свадебном ритуале.

В Финляндии до 1734 г. брак считался юридически законным и без венчания. Однако церковь стремилась влиять на семейную обрядность и до этого. Ее воздействие на народные традиции по-разному отразилось на западе и востоке Финляндии. На западе, где разрешалось венчание на дому и где городские обычаи сильнее проникали в крестьянский быт, во многих местностях именно с венчания в доме невесты начинался весь свадебный обряд. На востоке Финляндии венчание в церкви обычно предшествовало свадьбе, но не было связано с народным обрядом: из церкви молодые разъезжались по своим домам и затем начинался народный ритуал.

В Эстонии католическая, а затем и лютеранская церковь постоянно боролись за внедрение церковных обрядов в семейные праздники, но крестьянство безразлично относилось к церкви и религии, которая считалась «господской», «немецкой» верой, несмотря на столетия, прошедшие со времени обращения прибалтийского населения в христианство. Жалобы пасторов из разных местностей Эстонии на вступление крестьян в брачные отношения до венчания известны вплоть до середины XIX в.²⁶ Крестьяне проводили венчание иногда за одну-две недели до свадьбы, а иногда и после нее. В последнем случае невеста переезжала в дом мужа, надевала женский головной убор и начинала семейную жизнь²⁷. Венчание стало основным моментом при заключении брака лишь к концу XIX в.²⁸

Православная церковь в стремлении подчинить своему влиянию народные традиции, связанные с основными событиями жизни, была также весьма активна. Известно, что уже в XIII—XIV вв. она требовала обязательного проведения церковного свадебного обряда. «Стоглав» (1551 г.) также провозгласил церковный брак как единственно законный.

В конце прошлого века для православного прибалтийско-финского населения — води, ижоры, карел, вепсов (как и для местного русского населения) — наиболее типичным было проведение церковного обряда в ходе народного ритуала. Из дома невесты молодая пара ехала в церковь, и после венчания они направлялись в дом жениха. С точки зрения народной обрядности это соответствовало логике ритуала: перед поездкой в церковь невеста уже распрощалась с отчим домом, и юридически важный акт венчания происходил до ее приезда в дом мужа. Самый ритуал переезда позволял легко включить в него и поездку в церковь. Стоит упомянуть, что обычай проводить венчание до свадьбы был известен в середине прошлого века у води и карел. Наряду с этим из Северной Карелии есть сведения, что в конце прошлого века венчание иногда проводилось и после свадьбы²⁹.

Следует сказать, что постепенно в народный свадебный обряд включались также различные элементы церковного происхождения. У православных было принято при рукобитии, отъезде молодой пары и т. п. благословлять жениха и невесту иконой, зажигать перед киотом лампаду или свечу, читать соответствующие молитвы. Лютеране в торжественные моменты ритуала пели псалмы. Из церковного обихода были восприняты такие неотъемлемые элементы народного ритуала, как характерный для западнофинской свадьбы головной убор невесты — «корона», восходящая к короне богоматери, служившей символом чисто-

ты деви Марии³⁰. Подобные заимствования, впрочем, крестьяне воспринимали как черты народной обрядности, рассматривали их как часть своей традиционной культуры.

Этническая специфика, как известно, устойчива лишь относительно, она формируется и изменяется в ходе времени. Нередко в нее органически входят иноэтнические заимствования, постепенно сливающиеся с местной традицией. Этническая специфика свадебного обряда не может быть полностью разграничена и с теми особенностями, которые определялись стадийным развитием ритуала, но вместе с тем она и не равнозначна ему.

При сравнении свадебной обрядности прибалтийско-финских народов на исследуемом этапе можно выделить те или иные особенности, которые могут рассматриваться как этноопределяющие. При этом они, правда, могут существовать не у всех этнографических групп того или иного этноса или иметь в прошлом более широкое, не этническое, а региональное распространение. Говоря об этнической специфике обряда, не всегда можно связывать ее с большой древностью или исконной исключительностью.

Те особенности свадебного обряда, которые можно считать этноспецифическими для отдельных прибалтийско-финских народов, особенно наглядно выступают при их сопоставлении. Так, только у карел известна обрядность, связанная с понятием лемби (*lembi*) — доброй славы и любовной привлекательности девушки. В ходе свадьбы невеста передавала вместе с «девичьей волей» свое лемби младшей сестре или подруге, что сулило той успех при выходе замуж. Карельская свадьба отличалась также своеобразным составом свадебных чинов, причем особо интересна фигура колдуна-патьяшки, атрибутом которого был ритуальный жезл. Патьяшка руководил всей свадьбой и особенно выполнением ритуально-магических действий. В основе этих магических актов лежали языческие представления, свойственные карелам. Характерной чертой свадебного обряда карел было также надевание невесте головного убора замужней женщины при «выводном столе», т. е. до переезда в дом жениха и брачной ночи. Это было, видимо, пережитком более ранних форм обряда³¹. Стоит упомянуть, что в более далеком прошлом надевание невесте головного убора замужней женщины до брачной ночи встречалось шире: об этом есть сведения из Эстонии, известно оно было и у русских. Еще одним отличительным признаком карельской свадьбы была свадебная баня, т. е. ритуальное омовение после брачной ночи. Когда-то этот обычай был, видимо, известен части финнов и эстонцев, но в рассматриваемый период в отличие от предсвадебной бани, достаточно распространенной во всем рассматриваемом регионе, баня после брачной ночи была характерна лишь для карел и русского населения³². В данном случае мы не останавливаемся подробнее на всех воздействиях свадебных традиций восточнославянских народов на обрядность их прибалтийско-финских соседей — води, ижоры, карел. Это требует специального рассмотрения. Стоит, однако, упомянуть, что в Карелии русское влияние было значительно сильнее в ее южных районах, что привело к формированию двух различных вариантов свадьбы, хотя не столь различных, как на востоке и западе Финляндии³³.

В свадебном обряде води и ижоры были также некоторые этнические особенности, частью общие для этих двух народов, частью различные. Так, например, у води и ижоры существовал особый, проводившийся в доме невесты обряд выпечки свадебного каравая. Каравай носил название курси (*kurssi*→корж) у води и «купели» (*kuppeli*) у ижоры. В основе своей этот ритуал был, видимо, древним заимствованием у местного славянского населения, позже утратившего эту традицию. У води и ижоры выпечка свадебных хлебов стала устойчивой частью обряда, что подтверждается исполнением особых, сопровождавших его ритуальных песен и различных магических действий³⁴. Отличительной чертой водского свадебного обряда было отрезание волос (а иногда бритье головы) невесте перед тем, как надеть ей женский головной убор³⁵. Этот обычай, несомненно, очень старый и, по всей видимости, ранее распространенный более

широко. Во всяком случае, известно, что в некоторых местностях Эстонии в XVI—XVII вв. замужним женщинам отрезали волосы: об этом свидетельствуют данные Бранда и хроника Хьэрна. Кроме того, по данным Хупеля, от конца XVIII в. при выходе замуж женщинам коротко подрезали волосы³⁶. Однако со временем отрезание волос невесте стало специфической чертой именно водского свадебного обряда, отличавшей его от соседей.

В свадебном обряде эстонцев как этноспецифические черты могут быть отмечены обряды, связанные с женским передником. В отличие от других соседних народов, включая близкородственную водь, только у эстонцев передник входил в праздничный костюм замужней женщины, в то время как девушки его не носили. Повязывание передника молодой происходило одновременно с надеванием ей головного убора замужней женщины. С этим был связан у эстонцев и один из обрядов одаривания молодой — «латание передника» (*põlle lappimine*)³⁷.

Названные особенности обрядности у разных народов из числа прибалтийско-финской языковой группы приведены лишь в качестве примера, их имелось гораздо больше, особенно в деталях различных обрядов и формах их проведения. При этом не подлежит сомнению, что во многих случаях в ходе времени менялись и сами различия в обрядности и осознание их как отличительной черты собственной культуры у каждого из народов.

Изменение свадебной обрядности в рассматриваемый период, как уже отмечено, связано в первую очередь с теми переменами в быту крестьянства, которые принесло развитие товарно-денежного хозяйства. В более развитой Западной Финляндии утрачивались старые нормы внутрисемейных отношений, более последовательно происходило выделение молодых семей как самостоятельных хозяйственных единиц. В восточных районах страны дольше сохранялись и большие семьи, и традиция поселения молодых вместе с родителями. Распространение новой обрядности на западе Финляндии вполне сопоставимо с более быстрым, чем на востоке, развитием социально-экономических отношений в сельском обществе, однако устойчивость старой обрядности у ингерманландских финнов этим объяснить нельзя. Хорошо известно, что Петербургская губерния в конце XIX — начале XX в. была одной из ведущих в России по уровню капиталистического развития, что относилось и к сельскому хозяйству³⁸. Сам Петербург был емким рынком сельскохозяйственной продукции, открывал возможности для отхожих промыслов, требовал притока рабочих рук³⁹. Влияние городской культуры в это время было весьма ощутимым во многих сторонах быта. Тем не менее свадебная обрядность архаичного типа устойчиво сохранялась у местного финского населения. Можно полагать, что в известной мере это объясняется пестротой этнического состава населения этих мест. Этнические группы были разделены различного рода этнокультурными барьерами. Здесь существовали и языковые границы, разделявшие русское и прибалтийско-финское население, воздействовали и конфессиональные различия: к православной церкви наряду с русским населением принадлежали водь и ижора (а также карелы и вепсы), а местные финны были лютеранами. Религиозная принадлежность человека имела в прошлом немалое значение в быту, водь и ижора нередко определяли свою близость к русским исходя именно из этого («мы — русские, только язык у нас другой»). Это, разумеется, способствовало и ассимилятивным процессам. Финское население было, напротив, склонно к замкнутости, оно держалось обособленно не только от других народов, но и от более поздних переселенцев из Финляндии, а в брак предпочитали вступать в рамках своей этнической группы. Поэтому относительно малочисленные финны-эвримейсет искали себе брачных партнеров нередко далеко, в других приходах, но избегали браков с савакот, хотя языковые и этнокультурные различия между ними были невелики⁴⁰. Можно полагать, что именно этническая замкнутость способствовала консервации некоторых форм быта, в том числе сохранности старинной свадебной обрядности. Но при этом они не чуждались городского влияния, что

заметно проявлялось в распространении покупных товаров, в том числе для свадебного стола, подарков и приданого⁴¹.

Здесь мы не затрагивали проблем свадебного фольклора у прибалтийско-финских народов. Но следует упомянуть, что особое внимание фольклористов привлекают свадебные причитания. По мнению К. В. Чистова, они представляют собой относительно позднее явление, так называемую «позднюю архаику»⁴². Весьма своеобразно их распространение: они были характерны для местного русского населения, а среди прибалтийско-финских народов — для карел, вепсов, води, ижоры, и эстонцев-сету. Известны они были и некоторым группам ингерманландских финнов, которые явно заимствовали их у соседей. Из других финноязычных народов далее на восток свадебные причитания были распространены у коми-зырян и мордвы. Несмотря на исследования советских и зарубежных ученых, вопрос о происхождении этого своеобразного ареала остается нерешенным. Попытки связать их с русским влиянием или с православной церковью, как, впрочем, и с древним финно-угорским субстратом, пока не дали положительных результатов. При этом выяснилось, что свадебные причитания у каждого из народов имеют существенные особенности в строе, форме и др., что свидетельствует о том, что какие-то исходные моменты может быть следует искать в древних слоях фольклора этих этносов⁴³. Во всяком случае, несомненно, что фольклорный материал может внести существенные дополнения в характеристику этнической специфики свадьбы и ее развитие у каждого из прибалтийско-финских народов.

Разумеется, все изложенное носит весьма схематический и предварительный характер. Наша цель — только привлечь внимание к тому, что историко-сравнительный анализ обрядности, предпринимаемый на базе определенной группы народов, позволяет выявить многие черты, незаметные при изучении одного народа. При таком сопоставлении нагляднее выступают факторы, определяющие развитие или консервацию традиционной культуры, а также явления, отражающие этническую историю и культурные взаимосвязи народов.

Примечания

¹ *Heikinmäki M.-L.* Die Gaben der Braut bei den Finnen und Esten. B. I—II // *Kansatieteellinen Arkisto* (далее — KA), 21—22. Helsinki, 1970—1971; *idem.* Suomalaiset haatavat. Helsinki, 1981; *idem.* Die finnischen Hochzeitszeremonien und die Gebiete der Hochzeitssitten // *Ethnologia Scandinavica*. 1983; *Sarmela M.* Reciprocity Systems of the Rural Society in the Finnish-Karelian Culture Area // *Folklore Fellow Communications* (далее — FFC). № 207. Helsinki, 1969; *idem.* Haat yhteiskunnallisena näytelmäinä // *Ethnologia Fennica*. 1978. Helsinki, 1979; S. 10—23. *idem.* Suomalaiset haat // *Pohjolan haat*. Tietolipas 85. Helsinki, 1981. S. 11—57.

² Обзор финских работ по свадьбе см.: *Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность. Л., 1977. С. 5—32; *Санникова А. П., Токарев С. А.* Рец. *Sarmela M.* Reciprocity Systems... // Советская этнография (далее СЭ). 1971. № 5; *Шлыгина Н. В.* Современные исследования свадебной обрядности в Финляндии (новые работы М.-Л. Хейкинмяки) // СЭ. 1984. № 2.

³ *Pohjolan haat* // *Tietolipas 85* Helsinki, 1981. В сборнике содержатся статьи о финской, эстонской, норвежской, лопарской, севернорусской свадьбах, о свадебных причитаниях у ижоры и т. д.

⁴ *Talve I.* Morsiamesta nuorikoksi. Häiden rakenne itämerensuomalaisilla // *Scripta Ethnologica* 37. Turku, 1987.

⁵ *Tedre Ü.* Eesti pulmad. Tallinn, 1973; *Kalits V.* Eesti pulmad. Traditsioon ja nüüdisaeg. Tallinn, 1988.

⁶ *Сурхаско Ю. Ю.* Указ. раб. 1977; *Konkka U.* Antilaan itkettäjä // *Läänemeresoome filoloogiasümposium* 1973. Teesid. Tallinn, 1973; *idem.* Karjalaisen, itkuvirsirunouden tutkimuksen ongelmia // *Virittäjä*. 1968. № 2. S. 175—181; *Степанова А. С.* О современном состоянии карельских причитаний // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972; *Степанова А. С.* О метафорических заменах терминов родства в северокарельских причитаниях // Вопросы финно-угорского фольклора. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1970.

⁷ *Nenola-Kallio A.* Inkeriläiset itkuhäät // *Pohjolan haat*; *Honko L.* Itämerensuomalaisen itkuvirsirunouden tutkimus // *Kalevalaseuran Vuosikirja* (далее — KV) 54. Helsinki, 1974, 112—131; *Vahros J.* Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna // FFC. № 197. Helsinki, 1966.

⁸ *Чистов К. В.* Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; *его же.* Причитания у восточнославянских и финно-угорских народов // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.

⁹ Шлыгина Н. В. Водская свадьба (традиции и русское влияние) // Русский свадебный обряд. Л., 1978; *ее же*. Свадебные обряды у ингерманландских финнов // Etnograafiamuuseumi Aastaraamat XXXVII. Tallinn, 1989. L. 39—76.

¹⁰ Schlygina N. Stadiale und ethnische Spezifik der Hochzeit bei den ostseefinnischen Völkern. Ende des 19./Anfang des 20 Jh. // II Kolloquium Balticum Ethnographicum. Berlin, 1989. S. 58—64; Shlygina N. V. Viability of Ethnic Distinctions of Wedding Rituals of West-Finnish Peoples // 12th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Moscow, 1988.

¹¹ См.: Чистов К. В. Типологические проблемы... С. 225.

¹² Sarmela M. Häät yhteiskunnallisena näytelmä... S. 10—11.

¹³ Talve I. Op. cit. S. 127.

¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 10.

¹⁵ Автор имеет в виду соответствующие материалы фольклорного отдела Финского литературного общества, которые имел возможность проработать.

¹⁶ Народные песни Ингерманландии / Сост. Э. Киуру, Т. Коски, Э. Кюльмасы. Л., 1974; Nenola-Kallio A. Op. cit. 1981. S. 61.

¹⁷ Heikinmäki M.-L., Suomalaiset... S. 612—617. Vilks A. Ysännäksi ja emännäksi nostaminen // Kotiseutu 1959, S. 142—149. Helsinki, 1959.

¹⁸ Heikinmäki M.-L. Suomalaiset... 1982. S. 109—117.

¹⁹ Sarmela M. Häät... S. 17—19.

²⁰ Heikinmäki M.-L. Suomalaiset... S. 315—317.

²¹ Шлыгина Н. В. Водская свадьба; Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность.

²² Kalits V. Eesti pulmat. Lk. 12.

²³ Ср. Kalits V. Op. cit. Lk. 44.

²⁴ Ibid. Lk. 44.

²⁵ Ibid. Lk. 45, 46.

²⁶ Kalits V. Eesti pulmat. 1988. Lk. 76 (Данные по: Die altlivländischen Bauernrechte. Hrsg. L. Arbusow // Mitteilungen aus der livländischen Geschichte. Riga, 1924—1926. Bd. 23. S. 1—141).

²⁷ Tedre Ü. Eesti pulmad 1973, lk. 37. Феоктистова Л. Х. Семейные обряды крестьян Раппла-ского района // Семья и семейный быт колхозников Прибалтики // Труды Ин-та этнографии АН СССР. XXVII. М., 1962. С. 141; Моора А. Календарные праздники и обычаи // История Эстонской ССР. Таллинн, 1961. Т. I. С. 831.

²⁸ Schlygina N., Kalits V. Das moderne Hochzeitszeremoniell in Estland // Dorf- und Stadtkultur. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 198. Helsinki, 1987. S. 115—130, 116—117.

²⁹ Богданов Г. Х. Свадьба Ухтинской Карелии // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 50 и сл.

³⁰ Heikinmäki M.-L. Suomalaiset, 1981, S. 256—266.

³¹ Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность. С. 132—158.

³² Там же. С. 134.

³³ Шлыгина Н. В. Водская свадебная обрядность. С. 268; Ariste P. Vadjalane kalkist kalmuni Tallinn, 1974. lk. 63—64; Nirvi R. E Inkerosmurteiden sanakirja. Helsinki, 1971. S. 220; Vadjalaste laule. Emakeele seltsi toimetised. V. 3. Tallinn, 1960. Lk. 11—23.

³⁴ Öpik E. Op. cit. Lk. 105.

³⁵ Manninen I. Eesti rahvariiete ajalugu // Eesti Rahva Muuseumi aastaraamat III. Tartu, 1927. Lk. 13—15.

³⁶ Abriss der estnischen Volkskunde. Tallinn, 1964. S. 225—226; Tedre Ü. Op. cit. P. 74—76.

³⁷ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Собр. соч., Т. III.

³⁸ О влиянии Петербурга на жизнь финского крестьянства Карельского перешейка см.: Karste-Liikanen G. Pietari-suuntaus kannakselaisessa elämäkentässä 1800-luvun loppupuolelta vuoteen 1918 // KA Bd. 20. Helsinki, 1968.

³⁹ Voionmaa V. Suomen karjalaisen heimon historia. Helsinki, 1915. S. 61—65; Lukkarinen J. Suomalaisen naimatapoja. Aineksia suomalaisten kansojen avioliiton historian. I. Tampere, 1933. S. 23—30.

⁴⁰ Schlygina N. Stadiale und ethnische Spezifik. С. 40.

⁴¹ Подробнее см.: Чистов К. В. Причитания... С. 109.

⁴² Konkka U. Antilaan itkettäjä.

⁴³ Чистов К. В. Причитания...